

Раздел I. Этнополитические и межгосударственные процессы в тюркском мире в исторической динамике и на современном этапе

Шерстова Л.И.

Томский государственный университет, Томск (Россия)

Древнетюркский генеалогический миф в контексте этнополитических процессов в Горном Алтае

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности (проект номер – 748715Ф.99.1.ББ97АА00002)

В статье ставится проблема сохранения древнетюркского генеалогического мифа тюркоязычными народами Горного Алтая, что нашло отражение в исторических легендах, эпосе, современном искусстве. Особое внимание отводится выяснению вопроса о том, какая версия мифа стала основой исторической памяти современных народов региона. Изначально миф существовал в двух вариантах и соотносился с разными древнетюркскими общностями – тюгю (потомки Ашина) и теле (основные этнические общности Древнетюркских каганатов). В этой связи рассматриваются этнополитические процессы, которые во многом определялись соотношением тюркских и телеских этнических компонентов и результатом которых стало формирование современных народов Горного Алтая

Ключевые слова: народы Горного Алтая, древнетюркский генеалогический миф, теле, теленгиты, урянхайцы

Lyudmila I. Sherstova

Tomsk State University, Tomsk (Russia)

The Ancient Turkic Genealogical Myth in the context of Gorny Altai Ethnopolitical Processes

The article rises the problem of preservation of the ancient Turkic genealogical myth by the Turkic – speaking peoples of Gorny Altai. It is reflected in historical legends, epic literature and modern arts. The research focuses mainly on the question of which version of the myth became the

basis of historical memory of modern peoples in the region. From the very beginning there were two versions of the myth associated with two ancient Turkic communities: Тукуу (Ashin's descendants) and Tele (main ethnic communities of Ancient Turkic Khanates). The paper examines ethnopolitical processes which were defined in big extent as a proportion of Turkic and Tele ethnic components and which resulted in the formation of modern Gorny Altai peoples.

Key words: Gorny Altai peoples, Ancient Turkic Genealogical Myth, the Tele people, the Telengits, the Tuvinians

Одним из важнейших факторов сохранения идентичности современными тюркоязычными народами Евразии и поддержания единства «тюркского мира» является древнетюркский генеалогический миф, зафиксированный в древних китайских источниках. Из него следует, что предки древних тюрков «отдельная отрасль Дома хунну по прозвищу Ашина» были уничтожены во время войны. Остался только мальчик, которому враги отрубили руки и ноги и бросили в болото, где его нашла и выкормила волчица, поселившаяся потом в горах севернее Гаочана (Турфанский оазис). В числе детей, родившихся от выросшего мальчика и волчицы, был Ашина, «человек с великими способностями». Один из его потомков Асянь-шад переселился на Алтай, где оказался под властью кагана жуань-жуаней, для которых тюрки плавил железо [1, с. 31] Потомок Ашина Тумынь (Бумын) восстал в 552 г., а в 555г. возник Первый древнетюркский каганат. Китайцы называли потомков Ашина *Ту-кю*, которое расшифровывается как «*тюрк-ют*» [2, с. 28].

Не останавливаясь на проблеме генезиса и содержания слова «тюрк», которой посвящена значительная литература, будем придерживаться мнения Д.Г. Савинова о том, что переселившиеся на Алтай потомки Ашина - *тюрки-тугю*, во-первых, были очень немногочисленны, и во-вторых, оказались там не единственным тюркоязычным народом. Они столкнулись с уже жившими на Алтае многочисленными носителями прототюркского субстрата – телесскими этническими группами, т.е. с *торками-теле (гаогюй)*, которые и составили основную массу восставших против власти жуань-жуаней [1, с. 34].

Важно подчеркнуть, что этнополитическая структура Первого Древнетюркского каганата, как и предшествующего Гуннского Союза и последующих «кочевых империй Евразии», была очень сложной. Как правило, правящая династия представляла собой большой род (разросшуюся семью) или «возвысившуюся» этническую группу и была немногочисленна; основу же таких империй составляли различные этнические образования, племена, осколки народов прежних государств и правящих династий, которые могли иметь и имели языковые и культурные особенности. Если с этой позиции рассмотреть Древнетюркские каганаты, то правящей элитой был разросшийся род потомков Ашина, а, следовательно, род мальчика и волчицы. Зависимое население было представлено различными телесскими этносами. Существует мнение о том, что истоками термина «теле» является один из китайских этнонимов народов Саяно-Алтайского нагорья скифского времени – *ди*, *ди-ли*, которое в результате тюркизации стало известно, как *теле*. Термин *алтае-телесские тюрки* широко используется для характеристики народов Горного Алтая и сопредельных территорий, от постгуннского до предмонгольского времени.

В этой связи, если согласимся с тем, что легенда о мальчике и волчице, как прародители тюрков, скорее всего бытовала именно в их среде, было достоянием правящей элиты, то возникает вопрос о генеалогической легенде *теле*. Такая легенда также была зафиксирована в китайских источниках. В ней рассказывается о том, что китайскому императору сообщили, что в результате брака его дочери, появится мальчик, который свергнет его с престола. Тогда император велел построить высокую башню, поместил туда принцессу, изолировав ее. Шли годы, девочка стала девушкой. Однажды у стен башни появился огромный волк, который стал рыть лаз в башню. Он достиг своей цели, похитил принцессу, и от этого брака появились *гаогюй (теле)*. Заманчиво бы было видеть в этом сюжете отражение реальной истории, когда в 198г. до н.э. между Хань и гуннами был заключен «договор, основанный на родстве», согласно которому китайская принцесса стала женой

гуннского шаньюя Маодуня. Важно, что и в этом варианте фигурируют также гунны, но в качестве прародителя выступает волк. Кажется, именно здесь происходит водораздел между тюркским и телесским генеалогическим мифом - в обоих случаях предки тюрков и теле – гунны, но вторым предком выступает волчица у тюрков и волк у теле.

Из китайских источников известны племенные (этнические) названия *теле* – *хойху*, *сеяньто*, *доланьгэ*, *байегу*, *хун*, *дубо*, *киби*, *аз*, *цзюйше* (*кюйше*), некоторые из них идентифицируются - *хойху* – *уйгуры*, *цзюйше* (*кюйше*)-*кыпчаки*, *тубо* – *туба*, *доланьгэ* – *теленгит*. Исследователи уже обращали внимание на возможную связь между этнонимом теле и современными этнонимами – *телеуты*, *телесы*, а этноним *доланьгэ*, фактически, не претерпел изменений – *теленгиты* [1, с. 48-49]. Можно предположить, что *сеяньто* – *саянцы*, а *киби*-*сеок* *кёбёк*, соответственно *кюйше-кыпчаки*, т.е. это этнонимы, ставшие названиями сеоков современных народов региона. Таким образом, этнокультурная преемственность народов Горного Алтая предмонгольского и современного периодов не вызывает сомнений [3, с. 190-196].

Однако, в связи с этим возникают две проблемы. Во-первых, необходимо конкретизировать насколько сохранилась алтае-телесская основа современных народов Горного Алтая - алтай-кижи и теленгитов. Во-вторых, как их телесское происхождение нашло отражение в генеалогических легендах, эпосе, исторических преданиях.

В результате ойратских вторжений конца XVI-начала XVIIвв. территория Западного и Центрального Алтая вошла в состав чоросского домена, при этом была нарушена целостность местной этнополитической общности, которая реконструируется под условным названием как *телеуто-теленгетская* (*алтае-телеская*), что обусловило дальнейшее обособленное развитие будущих алтайцев (алтай-кижи левобережья Катуня), теленгитов (обитателей бассейнов Чуи, Улагана, Чулышмана) и верхнеобских телеутов.

В этой связи важным представляется мнение Л. П. Потапова о телеутах и теленгитах как о народах, до начала XVII

в. составлявших единую тюркоязычную общность [3, с. 44], что нашло отражение, во-первых, в сохранении телеутами как самоназвания слова «теленгет», тождественного этнониму населения Чуйской долины «теленгит». Во-вторых, распространение среди аборигенов Горного Алтая преданий и поговорок, рисующих теленгитов как очень многочисленный и сильный в прошлом народ: «Теленгитов больше, чем пегой березы» и старинное выражение: «Шестьдесят туменов теленгитов», т. е. неисчислимое множество [6, с. 9]. Но открытым остается вопрос о связи современной *алтай-кижи с телеуто-теленгитской* общностью

Родовой состав современных чуйских теленгитов, алтай-кижи и кузнецких (бачатских) телеутов содержит фактически одинаковый набор сеоков (родов), что также говорит о былом этническом единстве, что также подтверждает тезис о существовании до XVII в., т. е. до оттока части тюркоязычных племен (будущих верхнеобских телеутов), единой еще нерасчлененной ойратской миграцией *телеуто-теленгитской* общности, занимавшей южные земли Горного Алтая. К середине XVIII в. эта общность распадается и на ее основе сформируется этническая основа будущих алтай-кижи и теленгитов, что отражено в русских документах.

С другой стороны, походы русских служилых людей под руководством П. Сабанского в начале XVII в. разорили многочисленную «Телескую землицу», князь Мандрак был увезен как аманат в Томск, а основная масса тёлёсов мигрировала на южный берег Телецкого озера [4, с. 44]. Но в начале XX в. 6-я алтайская дючина на 84% состояла из рода *тёлёс*, его представители встречались и в остальных дючинах. О *тёлёсах* в Чуйской степи говорили, что большинство из них проживали в Курае и Бельтире. Когда-то они были многочисленны: «Нет скотины крупнее верблюда, нет сеока крупнее тёлёсов» [5, с. 111]. Как самостоятельный этнос тёлёсы перестали существовать, но они сохранились в качестве сеоков в составе алтай-кижи, теленгитов, телеутов.

Территория Центрального и Западного Алтая постепенно перестанет быть этнически однородной - в русских документах

XVIIIв. она обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и ойраты, часто именовалось «калмыками», что отражало политическую зависимость от Джунгарии и подверженность ее культурному влиянию. Несмотря на то, что *канские и каракольские волости* часто упоминались вместе и представляли собой некое этнополитическое и культурное единство, видимо, они сами четко различали друг друга.

При переписке с русскими властями в 1756г. помимо указания на подвластные им волости «каракольские» зайсаны отмечали свою этническую принадлежность. Так зайсанами «теленгутов» называли себя «Намук, Церин, Буктуш, Бурут, Боохол» [7. с. 245], в другом же документе Буктуш, Брут (Бурут), Номык (Намки), а также Кутук и Номыкай фигурируют как зайсаны «телеуцкого владения» [7. с. 242]. Получается, что в середине XVIIIв. этнонимы «теленгут» и «телеут» еще были синонимами, широко использовались местной элитой и, в первую очередь, соотносились с Каракольской волостью которая располагалась за Семинским перевалом на левобережье Катуня и соотносится с Центральным Алтаем, население которого сформировалось в результате взаимодействия *теленгетских (теленгутских)* и ойратских этнокультурных компонентов.

Кроме «*Каракольской волости*» русские выделяли в Горном Алтае «*Зенгорскую Канскую волость*», которая локализовалась в Западном Алтае, и формирование которой отличалось еще большей сложностью. Помимо теленгетской этнической основы, частично подвергшейся ойратской аккультурации, она содержала в себе еще один этнокультурный пласт. Это нашло отражение в том, как свою этническую принадлежность определяли родственники Омбо. В документах «Омбин брат ... Омбин сын Болот» фигурируют как «*уранхаевы зайсанги*» [7. с.241]. Учитывая патрилинейность, можно утверждать, что и сам Омбо был «уранхайцем». Исходя из русских документов, в середине XVIII века урянхайцами называли достаточно обширную этнокультурную общность, захватывавшую не только западную часть горного Алтая, но и

«урочище Уйман» [8. с. 169], где до ухода на Волгу кочевал зайсан Намжул (Наамжил), а также верховья Иртыша, где находились «владения» «*уранхайских зайсанов*» Гулчугая (Кулчугая), Бобоя, а впоследствии - Анжина и Хохоя.

Этноним «уряныхайцы» является одним из наиболее известных названий народов Центральной Азии и сопредельных территорий в Прибайкалье находилась местность *Баргуджин-Токум*, где обитало разнообразное горно-таежное население, среди которых выделялись «*урянкаты*» [9. с. 156-157], которых также соотносят с теле.

Следовательно, территория левобережья Катуня была представлена двумя близкими по формированию общностями, имевшими общую *теленгетскую основу*, подвергнутую ойратскому влиянию. Отличие заключалось в том, что в западном Алтае произошло включение родственного урянхайского компонента Верхнего Иртыша.

В результате джунгаро-китайской войны середины XVIII в. «рухнуло Ойротское государство, рассыпался на части великолепный Ойрот-улус, ... а тогда уцелевшие в битвах *ойроты и урянхай* спасли свои души в лоне алтайских гор, все они, пройдя сквозь огонь сражений и яростное пламя междоусобий, стали отныне называться *алтайским народом*, составили новый Алтай-улус [5, с. 61].

Сложение современных теленгитов также связано с центрально-азиатскими событиями конца XVIв., когда вследствие образования государства Алтын-ханов в Северо-Западной Монголии, произошел значительный выплеск *саянской миграции* с территории Тувы. Продвигаясь вниз по Чуе, а затем и Катуня группы *кужугетов, орчаков, точей, саянцев* оказались в Верхнем Приобье, где кочевали вместе с телеутами Абака. Часть их расселилась в междуречье Бии и Катуня и была известна как *Керсагальская волость*.

Однако какая-то часть саянских мигрантов оседала по пути своего следования, взаимодействуя с теленгетами правобережья Катуня. Это привело к накоплению *сойонского (тувинского)* комплекса этнокультурных признаков у местных теленгетов, что впоследствии обособили *теленгитов* Юго-

Восточного Алтая от *теленгитов (теленгутов)* левобережья Катуня [4, с. 47-48]. Последующие политические события, связанные с включением Центрального и Западного Алтая в состав России в 1756г. и сохранением до 1864 г. статуса российско-китайских *двоеданцев* чуйских теленгитов существенно повлияло на осознание своей особенности обеими близкородственными группами. Показательно, что еще в 1854 г. все население южнее Семинского перевала называло себя «*теленгитами*», но в то же время выделяло внутри себя «*Алтай-киши* или «*Катунь-киши*» и «*Чуя-киши*» [10, с. 58], что свидетельствовало о появлении наряду с общей идентичностью – «*теленгитской*» новых региональных идентичностей, которые подкреплялись наличием разных иноэтничных включений и культурных влияний, что и определило формирование современных алтай-кижи и теленгитов. Важно и то, что эти народы сохранили именно *телескую (алтае-телескую)* этногенетическую основу, что отразилось в их устной традиции.

Волк – знаковый персонаж алтайских легенд, эпоса, представлений. В бурханистском цикле исторических легенд важное место занимает образ *Шуну*, который был найден завернутым в волчью шкуру. Его право на власть легитимизовалось и через имя - *Шуну (Шоно, Чоно, Чино)*, переводимое с монгольского как «волк», что вызывает ассоциации с мистической связью древних тюрков и волчицы. [11, с. 194-201]. Китайские источники дают возможности судить о «волчьей тотемической традиции» в именах древнетюркских каганов (*Бури-хан, Бури-шад, Шюню* и др.) [2, с. 460-461]. Древнейшая традиция давать каганам и ханам имена предка тюрков (*Бёрю*) или монголов (*Буртэ-Чино*) дожила до начала XVIII в. При этом название волка, употреблявшееся в именах, у некоторых народов настолько табуировалось, что в обиход вошли новые слова, обозначающие волка (например, «*касқыр*» у казахов), лишенный сакрального смысла [12, с. 329].

В этой связи интересным представляется попытка выяснить отголосками какого мифа – *тюркютского* или *телесского* – является мотив о «волчьей природе» героя в алтайском фольклоре. В тубаларском предании об Алтын-

Кучкаше дух-хозяин горы *Ак-тюри* – Белый волк – мстит ему за то, что он «*Заезжает на Золотую тайгу, горных зверей убивает, водяных зверей убивает на водах ... черных соболей, ... маралов навьючивает*» [13, с. 193-194]. Согласно универсальным представлениям, каждая долина, тайга имеет своего духа хозяина, главная функция которого состоит в умножении и защите своих «подданных» - зверей и птиц. Поэтому требование *Ак-тюри* к охотнику, истребившему множество животных, возместить убыток – отдать своего сына – совершенно оправдано с точки зрения мифа и традиционной морали, базирующейся на дарообменных отношениях. В связи с этим, важным представляется вывод В.П. Ойношева о том, что *Ак-тюри* не просто один из многих духов- ээзи, хозяев местности. Это эпический «Белый волк суть воплощения гнева и кары Хозяина Алтая» [14, с. 91].

Важно и другое – хозяин местности может показываться людям, может быть невидимым, может принимать любой облик. В данном эпосе и в других сюжетах *Алтайдын ээзи* выступает в образе Белого волка, он – Белый волк - Хозяин Алтая. Он прародитель всего сущего – от человека до самой маленькой травинки, он повелитель судьбы человека и хозяин всего живого. Космический образ. Древние *теле*, ставшие основой формирования современных народов Горного Алтая, передали им и свою версию генеалогического мифа, который продолжил свое развитие, и, трансформировавшись, стал основой их миропонимания и мироощущения.

Список литературы:

1. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л: Изд-во ЛГУ. 1984. – 175 с.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М: Айрис-пресс. 2004. – 560 с.
3. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л: Наука. 1969. – 196 с.
4. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII- начало XX вв. Новосибирск: ИАЭТ. 2005. – 312 с.

5. Алтайские исторические предания ойротской эпохи /гл. ред. и состав. Б.Я. Бедюров. Новосибирск: Акад. Изд-во «Гео». 2014. – 205 с.
6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1883. –1025 с.
7. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIXв.: проблемы политической истории и присоединения к России. Горно-Алтайск, 1999. – 256 с.
8. Потанин Г.Н. Пространство Северного Казахстана и Сибири по документальным публикациям Г.Н. Потанина. Томск: ТГУ. 2013. – 314с.
9. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир. Т.1. Кн. 1. 2000. – 316 с.
10. Чихачев П. Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974. – 359 с.
11. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: ТГУ, 2010. – 288с.
12. Гордиевский. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отд. литер. и яз. Т. Вып. 1947. – С. 327–330.
13. Аносский сборник. Омск. 1915. – 262 с.
14. Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск: АКИН. 2006. – 164 с.

Сведения об авторе: Шерстова Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории ТГУ (Томск, Россия), e-mail: sherstova58@mail.ru